

УДК 340.1
ББК 67.0

DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-112-122

D.V. Maron, post-graduate student of the Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SYSTEM-FUNCTIONAL APPROACH TO UNDERSTANDING LEGAL TERMS

The system-functional approach to understanding legal terms is considered. The author substantiates that terms can perform various functions, directly acting as a means of legal regulation of social relations. On this basis the conclusion about three understandings of terms is made.

Key words and word-combinations: terms, jural fact, means of regulation.

Д.В. Марон, аспирант кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: maron792@mail.ru)

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЮРИДИЧЕСКИХ СРОКОВ

Аннотация. Рассматривается системно-функциональный подход к пониманию юридических сроков. Обосновывается, что юридические сроки могут выполнять различные функции, непосредственно выступая средством правового регулирования общественных отношений. На этой основе делается вывод о трех подходах к пониманию юридических сроков.

Ключевые слова и словосочетания: сроки, юридический факт, средство регулирования.

Основным вектором развития научной проблематики времени и права в отечественной юридической науке является исследование действия правовых норм во времени, то есть «права во времени». Вступление нормативно-правовых актов в силу, прекращение их действия, соотнесение фактических событий и времени действия правовых норм (например, проблемы обратной силы закона) традиционно интересовали научное сообщество, включая со-

ветский период. Однако проблема «времени в праве», то есть различных способов юридической репрезентации (лат. *repraesentativus*, от *re-* «пере-», «воз- / вос-», и *praesetare* «представлять») объективного времени, практически не рассматривалась.

В научно-философской литературе принято выделять реальное и перцептуальное время. Реальное время соотносится с объективным изменением состояний внешнего мира (смена суток, времен года и т.п.), а перцептуальное (лат. *percipio* — «восприятие») представляет собой субъективный аспект, связанный с восприятием времени индивидуумом. Время, безусловно, представляет собой объективный феномен и существует независимо от представлений человека о нем, однако реальное время не репрезентативно. Все способы исчисления времени в рамках операционального подхода к нему связаны с использованием различных средств репрезентации, которые представляют собой субъективные, антропоморфные категории: минута, час, сутки и т.д. Эти средства имеют консенсуальную природу, однако находят опору в объективной реальности: сутки, месяц, год.

С этой позиции сроки можно рассматривать как одно из средств репрезентации времени в общественном сознании. Такая репрезентация может быть объект-субъектной, при которой используются эталонные единицы измерения — час, минута, секунда и т.п., и перцептуальной, основанной на относительном восприятии — долго, быстро и т.п.

Анализируя различные доктринальные подходы к сущности и значению правовых сроков можно выделить субстанциональные определения и функциональные дефиниции. Первые ориентированы на определение срока самого по себе, без указаний на функции, которые он выполняет в праве; вторые исходят из конкретного предназначения правовых сроков.

Субстанциональные определения сроков в праве основаны на семантическом значении слова «срок» как определенной продолжительности времени, временного предела, момента времени. Так, к субстанциональным определениям срока можно отнести позицию Д.Н. Бахраха, согласно которой юридический срок представляет собой «определенный нормативным актом отрезок времени, исчисляемый по заранее установленным правилам» [1, с. 458]. По мнению И.В. Пановой, под юридическим сроком следует понимать законодательно определенный промежуток времени, исчисляемый согласно установленной процедуре [2, с. 184—185]. Субстанциональный характер имеет и данное А.А. Карташовым определение срока в конституционном праве: «...выделяемый в юридически значимых целях законодателем или иными субъектами конституционного права промежуток или момент со-

циального времени, учитываемый и измеряемый с использованием эталонов физического времени по нормативно закрепленным правилам» [3, с. 27].

Отметим, что акцент в подобных дефинициях делается на характерной черте правового срока, который в отличие от иных видов сроков, во-первых, устанавливается в юридически значимых целях уполномоченным субъектом и, во-вторых, предполагает особый порядок исчисления, устанавливаемый нормативно-правовыми актами. При этом данные определения ограничиваются общим указанием на то, что правовые сроки имеют юридическое значение, влекут правовые последствия, используются участниками правовых отношений и т.п.

Функциональные дефиниции ориентированы на выявление конкретной роли и значения сроков в праве. Этимологически слово «срок» по своей сути восходит к понятию, имеющему договорной характер, поэтому неудивительно, что данная проблематика наибольшее развитие получила в цивилистике. Под юридическим, или правовым, сроком в гражданском праве обычно принято понимать «момент или отрезок (период) времени, с наступлением или истечением которого закон связывает определенные последствия [4, с. 272], или «отрезок времени, с истечением или наступлением которого нормы права связывают возникновение либо прекращение правоотношения» [5, с. 6].

Обстоятельства, с которыми закон связывает определенные правовые последствия в юридической доктрине, рассматриваются как юридические факты, то есть «...предусмотренные нормой права обстоятельства, служащие основанием для возникновения (а также изменения или прекращения) конкретных правоотношений» [6, с. 219]. В теории гражданского права точка зрения на правовые сроки как юридические факты является устоявшейся и доминирующей. Отличия научных позиций отдельных авторов, как правило, касаются лишь того, к какому виду юридических фактов следует относить сроки.

В связи с этим возникает вопрос: именно ли срок непосредственно является обстоятельством, с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений? Можно согласиться, что «наступление или истечение установленного срока влечет за собой правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, то есть является юридическим фактом» [7]. Однако является ли юридическим фактом сам срок как определенный временной период? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, должен быть отрицательным: к примеру, истечение срока

исковой давности влечет возможность отказа судом в удовлетворении исковых требований, но сам временной период его течения никаких юридических последствий не влечет.

А.Е. Зюзин в данном контексте отмечает, что «юридическое значение имеют моменты начала течения и окончания течения сроков, а не само течение» [8]. Осуждение лица к наказанию влечет целый ряд юридических последствий, как и погашение или снятие судимости, однако течение срока уголовного или административного наказания само по себе не оказывает влияния на юридический статус наказанного лица. Другими словами, юридическим фактом всегда выступает начало какого-либо срока и его окончание (приостановление, возобновление, восстановление).

С семантической точки зрения срок понимается, с одной стороны, как определенный период, промежуток времени (месячный срок, годичный срок и т.п.), а с другой — в качестве определенного момента исполнения или наступления чего-либо (срок платежа, срок окончания договора и др.). Эта семантическая двойственность данного понятия была унаследована и юриспруденцией, где срок рассматривается как момент или период времени, наступление или истечение которого влечет возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей.

Следовательно, явно прослеживается определенная амбивалентность в понимании срока как длительности и как момента. По мнению Е.В. Белякович, «названный признак обуславливает классификацию сроков на сроки-моменты и сроки-периоды» [9, с. 3-8].

Сроки-моменты используются в праве, когда юридические последствия связаны не с длительностью срока, а непосредственно с его началом и окончанием. При этом дата окончания или, напротив, начала срока-периода может быть вообще не определена. Например, согласно части пятой ст. 26 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», служебный контракт вступает в силу со дня его подписания сторонами, если иное не установлено федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации или служебным контрактом; длительность срока может не иметь юридического значения. Так, по общему правилу сведения о своих доходах государственный служащий должен представить до 30 апреля календарного года, следующего за отчетным, то есть не имеет значения, сколько времени пройдет до этой даты: лицо может представить указанные сведения в январе, феврале и т.п.

Сроки-периоды, напротив, используются в тех ситуациях, когда непосредственной юридической значимостью обладает определенный временной промежуток, а не конкретный момент его начала или окончания. Об истечении срока действия служебного контракта гражданский служащий должен быть предупрежден за семь дней до его окончания. В данном случае конкретный момент исполнения этой обязанности имеет лишь производную значимость, с точки зрения определения того факта, была ли соблюдена установленная законом продолжительность указанного срока.

Н.В. Разуваев и Д.В. Стенникова полагают, что юридическими фактами могут являться только сроки-моменты, поскольку лишь они влекут возникновение или прекращение соответствующих правоотношений. При этом момент-начало течения срока выступает как элемент сложного юридического факта (юридического состава) и только момент-окончание срока может рассматриваться непосредственно как самостоятельный юридический факт. Сроки-периоды, «не будучи юридическими фактами, представляют собой меру существования правоотношения, определяющую временные пределы действия прав и обязанностей его участников» [10, с. 83], их предлагается относить к особому юридическому концепту — правовым состояниям.

Действительно, срок действия служебного контракта, трудового договора (как и иные многочисленные сроки действия, например срок действия доверенности) сами по себе не порождают никаких последствий, а лишь определяют время существования особого правового состояния субъекта: наличие определенного права, существование юридической обязанности, действия полномочий и т.п. Если же субъект права в конкретных пределах совершает определенное действие, связанное с реализацией данного права или исполнением обязанности, то именно оно будет выступать юридическим фактом. Например, трехмесячный срок, установленный для обращения в суд с целью защиты нарушенных трудовых или служебных прав, сам по себе не может рассматриваться как юридический факт тем более, что лицо может не воспользоваться возможностью такого обращения. Он выступает в качестве временного периода наличия у субъекта соответствующего права, а именно само обращение в суд будет являться юридическим фактом-действием, влекущим установленные законом последствия. Однако вряд ли можно назвать правовым состоянием сам срок существования права на обращение в суд: скорее это продолжительность существования особого правового состояния, характеризующегося наличием права на предъявление иска.

Кроме того, и сроки-моменты не могут в полной мере относиться к обстоятельствам, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Так, возникновение служебных отношений связано с изданием акта о назначении на должность, заключением соглашения о службе. Именно указанные действия и акты являются основанием возникновения служебных отношений, которые носят временный (ограниченный определенным периодом) характер. Здесь срок скорее инструмент, правовое средство, которым создается юридический факт — «срок-уговор». Определить срок, назначить срок, установить срок — это все сделки или, точнее, акты, которые и являются юридическими фактами. Например, заключение срочного трудового договора — это юридический акт, то есть действие, сознательно направленное на возникновение юридического правоотношения, а срок здесь — определенное условие, составляющее содержание данной сделки (акта). Срок выступает лишь одним из способов, при помощи которого юридический факт оказывает воздействие на общественные отношения. Заключение договора на неопределенный срок, несмотря на название, является юридическим актом, который обходится без указания срока. В любом случае юридическим актом в качестве разновидности юридического факта будет выступать сам трудовой договор.

Интересную точку зрения об идентификации срока в качестве юридического факта высказал М.В. Батянов, который обосновал необходимость различать установление, истечение и наступление срока. Установление срока правоприменителем является юридическим фактом-действием, истечение и наступление срока — юридическим фактом-событием. Течение же срока самостоятельных правовых последствий не влечет [11, с. 89]. Иными словами, юридическим фактом-действием является само определение срока соглашением сторон правоотношения и закрепление его в договоре. Однако, на наш взгляд, истечение срока, определенного таким образом, также не может рассматриваться в качестве самостоятельного юридического факта-события, поскольку оно неразрывно связано с его установлением. Например, истечение срока служебного контракта, которое по общему правилу является основанием его прекращения, может не повлечь этих последствий в том случае, когда срочный служебный контракт заключен без достаточных к тому оснований.

Альтернативную точку зрения в отношении функционального назначения юридических сроков высказывал еще Д.И. Мейер в дореволюционной доктрине гражданского права: «В области права срок понимается как назначение времени для какого-нибудь юридического

действия, связь юридического действия с известными ограничениями во времени» [12, с. 223]. Здесь срок рассматривается не в качестве обстоятельства, порождающего определенные последствия, а в качестве условия или требования к совершению юридических действий и выполняет преимущественно «дисциплинирующую» функцию. К примеру, срок дисциплинарного производства для привлечения государственного служащего к ответственности ограничен шестью месяцами. Безусловно, и в этом случае можно считать, что по истечении этого срока у представителя нанимателя прекращается право привлечения служащего к дисциплинарной ответственности. Однако в отличие от понимания срока как уже существующего обстоятельства, выступающего юридическим фактом, здесь акцент делается на цели установления сроков — ограничении (определении) времени совершения юридически значимых действий. Срок в таком понимании может рассматриваться как условие совершения того или иного юридического действия.

В подобное понимание юридических сроков логично укладываются институты перерыва, приостановления и восстановления сроков: например, если в течение установленного срока государственный служащий отсутствует на службе и представитель нанимателя не может совершить необходимые юридические действия, то течение срока должно приостанавливаться. Если лицо по уважительным причинам не могло реализовать принадлежащее ему право или выполнить возложенную на него обязанность в течение установленного срока, то соответствующий срок может быть восстановлен. Например, в силу болезни гражданский служащий не смог обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав в течение предусмотренных законом трех месяцев. В таком случае по решению суда этот срок может быть восстановлен.

Подобный подход к определению правовых сроков получил развитие в процессуальных отраслях права: в юридической доктрине даже принято различать материальные и процессуальные сроки. Первые традиционно рассматриваются в качестве юридических фактов, вторые — как временные промежутки, в течение которых должно или может быть совершено определенное процессуальное действие. Процессуальный срок — «предусмотренный законом или назначаемый судом определенный промежуток или момент времени, с которыми процессуальный закон связывает возможность (необходимость) совершения конкретных процессуальных действий либо наступление иных правовых последствий» [13, с. 120]. «Процессуальный срок в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве

определяется как установленный законом или назначенный судебным органом (судьей) и исчисляемый годами, месяцами или днями период времени либо момент во времени, определяемый точной календарной датой или указанием на событие, которое обязательно должно наступить, в течение которого или к которому судебный орган (судья) или иные участники процесса вправе либо обязаны совершить определенное процессуальное действие или совокупность таких действий» [14].

В таком значении процессуальные сроки в некотором смысле выходят за рамки их понимания как юридического факта, поскольку не только предусматривают наступление определенных юридических последствий, но и могут предполагать обязанность или право совершения субъектом юридически значимых действий. «Конечной целью любого налогово-процессуального срока является обеспечение эффективности осуществления деятельности органами, наделенными властными полномочиями, что в итоге влияет на своевременную реализацию своих прав и обязанностей налогоплательщиками» [15, с. 164].

Сроки, установленные для уполномоченного лица для исполнения своих обязанностей, принято называть «служебными сроками». Этот термин введен в научный оборот известным ученым-процессуалистом С.Н. Абрамовым для обозначения сроков совершения процессуальных действий судьей. Спецификой таких сроков, отличающей их от сроков — юридических фактов, является то, что их пропуск (истечение) «...не оказывает правового влияния на гражданское процессуальное правоотношение: суд обязан совершить предписанное процессуальное действие» [16, с. 702]. «Нарушение таких сроков судом не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное законом процессуальное действие» [17, с. 1295]. Иными словами, наступление или истечение таких сроков не является основанием для прекращения соответствующих прав или обязанностей. Эти сроки имеют «дисциплинарный» характер для суда или иного правоприменителя, а их нарушение может вызывать иные последствия: «...например, нарушение права на судопроизводство в разумный срок порождает самостоятельное материально-правовое отношение, содержанием которого является обязанность публично-правового образования уплатить заинтересованному лицу компенсацию за нарушение указанного права» [16, с. 702].

Несмотря на существующую специфику процессуальных сроков, следует отметить, что граница между материальными и процессуальными сроками в значительной степени условна: например, срок привлечения работника или служащего к дисциплинарной ответ-

ственности можно рассматривать и как материальный, и как процессуальный. То же самое относится и к срокам проведения служебной проверки, срокам проведения конкурса на замещение вакантной должности и т.п.

Однако не все сроки могут рассматриваться как юридические факты либо как временные рамки совершения тех или иных юридических действий. Например, согласно п. а) п. 3 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» прогулом является отсутствие на служебном месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение служебного дня. Согласно п. 8.1 той же статьи служебный контракт может быть расторгнут по инициативе представителя нанимателя в случае отсутствия на службе в течение более четырех месяцев подряд в связи с временной нетрудоспособностью.

Указанные сроки явно не могут рассматриваться ни в качестве временных рамок совершения определенных юридических действий (процедур), ни как самостоятельные юридические факты. В соответствии с ч. 6 ст. 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в течение двухмесячного срока предупреждения об увольнении в связи с сокращением должностей либо упразднением государственного органа может проводиться внеочередная аттестация. Очевидно, что указанный срок (два месяца) не является временными пределами проведения процедуры аттестации, но и рассмотрение его как юридического факта, который влечет за собой возникновение какого-либо правоотношения, будет «притянута за уши».

Эти сроки могут рассматриваться как условия для совершения тех или иных юридически значимых действий. Увольнение работника за прогул возможно при условии его отсутствия на рабочем месте более четырех часов подряд в течение служебного дня, проведение внеочередной аттестации возможно, если не истек двухмесячный срок с момента предупреждения сотрудника об увольнении и т.п.

Попытка рассматривать юридический срок в качестве условия возникновения определенных правоотношений предпринималась О.В. Кузковой в диссертационном исследовании, где отмечалось, что правовые сроки могут выступать не только в качестве юридических фактов, которые непосредственно влекут возникновение, изменение и прекращение различных правовых отношений, но и как юридические условия, необходимые для возникновения соответствующих правоотношений. Для примера автор приводит ситуацию квалификации деяния,

совершенного работником, как дисциплинарного проступка: «Для привлечения работника к ответственности за нарушение трудовой дисциплины обязательным юридическим условием является течение рабочего времени, в период которого совершен дисциплинарный проступок» [18, с. 2].

О.В. Кузакова полагает, что таким юридическим условием или условием совершения юридически значимых действий могут являться только сроки-периоды, то есть течение определенного срока: срока предупреждения, срока судимости, наказанности (действия административного или дисциплинарного взыскания), временной нетрудоспособности и т.п. Сроки-моменты лишь отмечают время начала и окончания подобных периодов. «Срок может рассматриваться как юридическое условие только в своем течении, поскольку “завершение” срока (его истечение (наступление)) прямо (не опосредовано) вызывает соответствующие правовые последствия, а значит, является собственно юридическим фактом» [18, с. 9].

Такие сроки-условия могут быть как позитивными, так и негативными: первые необходимы для совершения какого-либо юридического действия (например, внеочередная аттестация возможна в течение срока предупреждения); вторые, напротив, блокируют возможность определенных действий и решений, имеющих юридическое значение. Так, увольнение гражданского служащего по инициативе представителя нанимателя невозможно в случае пребывания его в отпуске или в состоянии временной нетрудоспособности.

К срокам-условиям относятся также различного рода сроки-предупреждения, характерные для трудового и служебного законодательства. Например, согласно ч. 7 ст. 27 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» при неудовлетворительном результате испытания представитель нанимателя имеет право до истечения срока испытания расторгнуть служебный контракт с гражданским служащим, предупредив его об этом в письменной форме не позднее, чем за три дня. В соответствии с ч. 2 ст. 29 указанного Закона об изменении существенных условий служебного контракта гражданский служащий должен быть уведомлен представителем нанимателя в письменной форме не позднее, чем за два месяца до их введения. Часть 1 ст. 36 данного Закона закрепляет, что гражданский служащий имеет право расторгнуть служебный контракт и уволиться с гражданской службы по собственной инициативе, предупредив об этом представителя нанимателя в письменной форме за две недели. Как видно, во всех этих случаях соблюдение срока предупреждения является обязательным условием совершения соответствующего действия.

Как представляется, изложенный подход к пониманию юридических сроков с позиции функций, которые они выполняют в праве, может способствовать более системному пониманию правового срока. По нашему мнению, правила установления и исчисления сроков должны быть ориентированы на функциональное предназначение того или иного срока.

Библиографический список

1. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
2. Панова И.В. Административно-процессуальное право России / под ред. Э.Н. Ренова. М., 2003.
3. Карташов А.А. Конституционно-правовые сроки: понятие, виды, порядок исчисления // Современное право. 2008. № 1.
4. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985.
5. Жгунова А.В. Сроки в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.
6. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М., 2017.
7. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011.
8. Зюзин А.Е. Соотношение сроков и юридических факторов в административном праве // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса 2010. № 1.
9. Белякович Е.В. О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» // Российский судья. 2020. № 4 / 5. С. 3–9.
10. Разуваев Н.В., Стенникова Д.В. Юридическая природа сроков в гражданском праве // Юридическая мысль. 2010. № 3 (59).
11. Батянов М.В. Срок действия гражданско-правового договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1.
13. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2006.
14. Исаева Е.В. Процессуальные сроки в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие. М., 2005.
15. Мардасова М.Е. Сроки в налоговом процессе. М., 2016.
16. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
17. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.Л. Дегтярев [и др.]; под ред. В.В. Яркова. М., 2016.
18. Кузакова О.В. Сроки в трудовом праве как юридические факты и юридические условия: сравнительно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2008.